

РИТОЛИНА

*03 октября 1999 года
Старый Треверберг*

Рита напряженно постучала тонкими пальцами с длинными красными ногтями по рулю своего «Вольво». Она приехала, как положено образцовому сотруднику, претендовавшему на продвижение в лучшей риелтерской фирме города, за пятнадцать минут до назначенного времени, а вот потенциальные клиенты задерживались. Говорят, у богатых свои причуды. А еще говорят, что действительно богатые люди, которые работали ради того, чтобы сколотить состояние, и знают ему цену, никогда не опаздывают. Что не скажешь о тех, кто получил деньги случайно — в наследство, например, или чересчур быстро. Слишком успешны для серьезного отношения к жизни. Построили свою финансовую империю на махинациях, не очень законном товарообороте или чем похуже. Рита выдохнула из легких горьковатый дым сигарет и осмотрела вычурный особняк, который должна была презентовать потенциальным покупателям.

Обычно фирма Самуэля Муна продавала свои постройки или те особняки, которые приобрела в собственность, но в начале этого года стратегия изменилась, и она начала подписывать обычные риелтерские договоры. Рита впахивала без отпуска шесть месяцев, чтобы наконец в сентябре ей выделили один такой объект. Настолько роскошный и настолько дорогой, что даже Мун не решился вложиться, а предпочел просто перепродасть.

Рита выбрала историю особняка, обходя детали, которые не захочет слышать ни один покупатель (западное крыло укрепляли, там просел фундамент, а в садовом пруду завелась какая-то нечисть, которая поела всю рыбу, и пруд пришлось осушить, а потом наполнить заново), построила речь такого качества, что позавидует и опытный политик. И вот сидела... и перегорала. Она хорошо себя знала: если клиенты задержатся больше чем на тридцать-сорок минут, провести встречу так, чтобы сделка состоялась, она не сможет. От нее останутся тлеющие огоньки, а продажи — это пламя. И никак не меньше.

Рита сама была пламенем. С детства она стремилась к любому движению. Она занималась спортивной гимнастикой, потом начала танцевать. Лет с тринадцати всерьез увлеклась ориентированием на местности и каждые выходные убегала с друзьями по интересам за город, в смешанные леса с густым подлеском, окружавшие Треверберг плотной стеной. Именно в один из таких походов ребята наткнулись на уединенную резиденцию, построенную очевидно, еще в прошлом столетии. Здание было старым, а забор слегка покосился, но Рита застыла, будто увидала статую Давида вблизи. Ее покорили размах резиденции, деревянная резьба, то, как был организован сад, въездная группа. Девочка будто перенеслась в эпоху экипажей и балов и поняла, что когда-нибудь она станет тем, кто создаст архитектурный шедевр. Она окончила школу с золотой медалью, обеспечив ее себе за счет чудовищной усидчивости и спортивного самоконтроля гимнастки, которая мечтала получить олимпийское золото. Поступила в университет. Получила красный диплом, которым страшно гордилась... и осталась на улице. С дипломом и знаниями, победами в конкурсах и олимпиадах, но никому не нужна. Она обошла все архитектурные салоны города в поисках работы, пока случайным образом не наткнулась на Самуэля Муна, владельца фирмы «Мун Девелопмент», которая занималась строительством и продажей.

Мун опытным взглядом художника посмотрел ее университетские работы (хотя больше, конечно, он рассматривал ее декольте), заявил, что открытой должности архитектора у него нет, а вот вакансия риелтора открыта. И если она сможет себя показать, они снова поговорят. Может, что и изменится. Про-

давать дома не все равно что проектировать, но измученная безуспешными поисками работы молодая и перспективная Рита Рэксон закусила губу, запихала ожидания от жизни примерно туда, где похоронила мечту стать чемпионкой, рассыпавшуюся из-за серьезной травмы колена, и принялась за дело. С присущим ей олимпийским спокойствием и гимнастической упрятостью. И элегантностью, которой могла похвастаться только она.

За три года работы Рита выбилась в десятку лучших. Потом — в пятерку. Потом — в тройку. И теперь получила право продать уникальный особняк. И его прелесть не только в размере, редких интерьерах, но и в колоссальной территории в семь гектаров, расположенной в черте города. Да тут одна земля стоила десятки миллионов. Про дом можно молчать.

Но лучше, конечно, о нем говорить.

Рита закурила вторую сигарету подряд и вышла из машины, открыла заднюю дверцу, сняла с вешалки белое пальто, набросила его на плечи, не выпуская сигареты из подведенных красным губ, и огляделась в поисках вдохновения. Красотой в этом районе было пропитано все. От прекрасно сохранившейся с девятнадцатого века брускатки (говорят, выкладывали вручную немецкие мастера) до старинных уличных фонарей, которые каким-то чудом подключили к электричеству (раньше они были газовыми, а до этого — керосиновыми), и соседей-особняков. В целом в композиции района принимало участие четыре разноплановых дома, которые походили скорее на усадьбы дворян или на небольшие замки. Колонны, мрамор, огромные въездные группы, ландшафтные сады. Вступая на территорию такого имения, ты будто перешагивал временной порог.

Шелест шин оторвал девушку от созерцания нужного дома. Она глянула на часы. Пятнадцать минут опоздания. В каком-то трактате она читала, что это идеальный интервал для дворян. Мол, если пришел вовремя, получил неодобрение двора. А если задержался на пятнадцать минут, тебя зауважали. Впрочем, если ты пришел на тридцать минут позже, двор тебя начнет презирать. Рита выбросила сигарету, потушила ее носком туфли и с улыбкой замерла перед коваными воротами, достав из сумочки полученные лично от шефа ключи. «Самое дорогое, что у меня

есть, помимо тебя, конечно», — прокомментировал Мун, вручая их ей сегодня утром.

У нее все-таки был очаровательный начальник.

Черный «Линкольн» (о боги, где они его только взяли) остановился рядом с ее машиной, которой она так гордилась и которая смотрелась гадким утенком на фоне этого красавца. Ошпаренный водитель выскочил из автомобиля, открыл дверцу и помог выйти своему господину (по-другому и не скажешь). Господин подал руку тощей блондинке с претензией на голубую кровь. По меньшей мере, кожа у нее была точно голубоватая. Бледная как смерть, если говорить простым человеческим языком.

Улыбка Риты сохранила свою псевдоискренность и широту, когда она пожала руку сначала женщине, потом мужчине.

— Миссис и мистер Арнольд, рада вас видеть. Ритолина Рэксон, ваш риелтор. Господин Мун передает нижайший по-клон и выражает надежду, что этот особняк вам понравится так же, как «Рождение луны», которую вы приобрели в прошлом месяце.

— Если дом вполовину так хорош, как полотна господина Муна, думаю, он нам понравится, — учтиво отозвался мистер Арнольд. Темно-зеленые глаза мужчины изучающе скользнули по Рите, но она уже вошла в роль успешной женщины, которая заключит сделку века, разрушив миф, что не бывает стопроцентного результата. Бывает, если ты к нему стремишься, работаешь на него и делаешь все, чтобы ни один конкурент не смог тебя обойти или даже приблизиться к твоим показателям.

Главное, по дороге не лишить себя коленки.

От этой мысли стало смешно, и Рита позволила своей улыбке потеплеть.

— Легенда гласит, что с этого дома начался сам Треверберг.

— О, это особняк Основателя? — пару раз хлопнув ресницами, поинтересовалась блондинка.

Почему у богатых мужей всегда тупоголовые блондинки в парах? Они их выбирают по уровню теста на IQ? Чем меньше, тем лучше?

— Нет, миссис Арнольд, в особняке Основателя находится исторический музей. Говорят, этот дом появился до того, как в Треверберг пришел Уильям Тревер.

— То есть Основатель — не совсем Основатель?..

Мистер Арнольд мягко потрепал жену по руке. И откуда в нем столько терпения?!

— Дорогая, эти вопросы мы можем уточнить в другом месте. Прошу вас, мисс Рэксон... — И как он безошибочно определил, что она мисс, а не миссис? — Расскажите об этом месте. Но начните с главного: вы сами хотели бы здесь жить?

Рита открыла ворота, развернулась на каблуках, прекрасно зная, что солнце выгодно высвечивает ее белое пальто на фоне зеленой с вкраплениями золотого и красного листвы сада.

— Это место — воплощение моих самых смелых желаний, — хорошо поставленным голосом начала она отрепетированную речь. — Я архитектор, мистер Арнольд. Знаю толк в красоте и умею ее ценить и за ней ухаживать. Этот дом требует профессионального подхода. Почти четыре тысячи квадратных метров жилой площади. Семь гектаров сада. Он требует профессионализма, души и денег. Я могу дать первые два пункта. Но для третьего пока рановато.

Покупатель благосклонно кивнул. Вся троица прошла в сад. Рита заняла заранее выбранную точку и королевским жестом указала на дом с восемью колоннами из карельского розового мрамора, который необычайно смотрелся при таком освещении. Зеленое и золотое выгодно оттеняли его стены, лепнину и украшения. Фигуры греческих богов, обрамляющие крышу, казались живыми. В лучших традициях восемнадцатого века. Видимо, его строили те, кто хотел отдать дань великолепию просвещенного абсолютизма. От особняка буквально веяло монументальностью, которую растеряли в современности. Когда если зал — то на пятьсот квадратов. Если спальня — то на двести. Высоченные потолки по пять-семь метров. Несколько входов в дом, балюстрады, балкончики, украшения и тщательно продуманное пространство, по которому нужно разводить сотни гостей.

Рита бывала в этом особняке лишь однажды и будто перенеслась в царский дворец. Впечатления неизгладимые. Чувствуя, как поднялась внутри волна предвкушения, она поймала взгляд будущего покупателя и улыбнулась так, что тот замер.

— По документам особняк построен в начале девятнадцатого века. Но вы можете видеть характерные элементы архитектуры Российской империи времен Екатерины Великой... — Рита выдавала отрепетированный до автоматизма и при этом глубоко прожитый и принятый текст, водила гостей по ландшафтному саду, который «точная копия знаменитого екатерининского дворца в Царском Селе» (что, конечно же, правдой не являлось), показывала расставленные по зелено-золотому пространству белые статуи, изображавшие греческих богов, и постепенно приближалась к главному входу в дом, куда вела прекрасная витая лестница. Рита взлетела по мраморным ступенькам и остановилась у высоченных, метра три с половиной, дверей, покрытых позолотой и изящной резьбой.

— Вы готовы увидеть красоту?

Блондинка спешно закивала, ее муж лишь опустил голову, на мгновение прервав зрительный контакт с риелтором, но Рэксон чувствовала себя победительницей. Вот этот пьянящий кайф, без которого невозможно быть успешным в продажах.

Она толкнула дверь, глядя клиентам в глаза. Она знала, что они там увидят, и, заметив, как вытянулись их лица, упивалась моментом. Великолепное фойе, перетекающее в гостиную, пространство на пятьсот квадратов с пятиметровым потолком, двойной свет вписался идеально, многочисленные окна и хрусталь люстр делают пространство не просто красивым — они придают ему оттенок совершенства. Рита не оборачивалась, внимательно глядя за клиентами. Но шок на их лицах постепенно сменился ужасом. Блондинка пронзительно завопила, прикрыв рот узкой ладошкой, а мужчина невольно сделал шаг назад, покачнувшись.

Риелтор медленно обернулась.

Посреди залы прямо на редчайшем персидском ковре стояло огромное костище. На столбе повис обугленный труп. Перед ним, справа, на коленях стоял мужчина. Он опустил голову и, кажется, молился. Рита заметила сутану. Священник?

Дрожащей рукой она достала из сумки телефон.

АКСЕЛЬ

*03 октября 1999 года
Старый Треверберг
Тридцать минут спустя*

Детектив Аксель Грин поставил свой мотоцикл в паре шагов от резных ворот, за которыми виднелся вычурный старомодный особняк, созданный для бездельников и интриганов. Ну или для того, чтобы на его территории открыли музей. Звонок в участок поступил двадцать пять минут назад. Криминалисты уже выехали, но молодой детектив, верный привычке, прибыл раньше. Нет ничего ценнее, чем посмотреть на место преступления до того, как по нему разложат деревянные мостки, у улик появятся бумажки с цифрами, а пространство займут люди-муравьи, чья методичная работа сотрет все возможные впечатления. Аксель служил в полиции шесть лет и постепенно приучил всех и каждого к тому, что если уж берется за осмотр места преступления, то должен получить доступ до того, как толпа криминалистов изукрасит его на свой лад.

Детектив повесил шлем на руль мотоцикла, вытащил из кофра скотч и перчатки, закрыл его и огляделся в поисках свидетелей. Справа от него стояли две машины: новенький вишневый «Вольво» и черный «Линкольн», который выглядел так, как будто его перенесли из другого мира. Ну, по меньшей мере, из другой страны. Придется показать значок. Аксель провел ладонью по длинным светлым волосам, улыбнулся сам себе, проверил, на месте ли документы, и направился к автомобилям.

Из них выскочили две женщины и мужчина. Блондинка, элегантная и тонкая с бледным болезненным лицом, явно представитель умирающей аристократической элиты (ее ожерелье стоило дороже, чем его мотоцикл и квартира вместе взятые), при виде молодого статного детектива опустила глаза. Мужчина с неким запозданием подал руку, которую Грин незамедлительно пожал.

— Детектив Аксель Грин, отдел по особо тяжким делам, управление полицией Треверберга, — представился он, протягивая мужчине документы, которые тот изучил с максимальным вниманием. — Миссис и мистер Арнольд, я полагаю? А вы, — он обратился ко второй женщине, которая вылезла из «Вольво», — мисс Ритолина Рэксон, риелтор из «Мун Девелопмент»?

— Да, детектив, — отозвалась та. Ее бледное лицо на фоне аристократки казалось даже излишне загорелым.

— Расскажите, как вы обнаружили тела, — попросил он, поглядывая в дом.

Деревья и скульптуры закрывали внутреннее убранство. Со своей точки он видел только то, что дверь открыта, а на перилах лестницы висит белое пальто.

— Мы приехали на осмотр дома, — начал Арнольд, взяв на себя нелегкую долю. Женщины синхронно посмотрели на свои ноги. Ритолина села в машину, оставив дверь открытой. Видимо, силы ее оставили. Грин сосредоточился на спикере. — Мисс Рэксон показала нам сад. Все было чудесно. Потом она открыла дверь в дом. А там... это.

— «Это» — что?

— Они, — прошептала миссис Арнольд. — Труп на кострище. Как будто ведьму сожгли. И священник перед ней. На коленях.

— Священник жив?

— Мы не заходили внутрь, детектив, — дрожащим голосом продолжила блондинка, хватаясь за мужа.

Аксель сдержанно кивнул. Заходили они в дом или нет, покажет криминалистическая экспертиза.

— Вы осматривали дом перед продажей? — обратился он к Рите.

Та подскочила на месте, чуть не ударившись головой.

— Сегодня нет, детектив. Это уникальный особняк, фирма не дает от него ключи просто так.

— Когда вы были в доме в последний раз?

— Дней... дней пять назад, — пробормотала Ритолина.

— Вы сможете это подтвердить?

— Да. — Взгляд женщины прояснился. — Да. Фирма ведет учет выдачи ключей от редких объектов.

Аксель записал в блокнот: «Проверить документацию Мун Д.».

— Сейчас приедут криминалисты, — обратился он ко всем сразу. — Пожалуйста, оставьте им свои контакты, подпишите соглашение о неразглашении, потом можете ехать домой.

Все трое кивнули, не найдя в себе сил спорить с детективом, и тот, удовлетворенно их оглядев, развернулся в сторону дома. Сожженный труп и священник на коленях. Ужасно.

Ужасно интересно.

Аксель вытащил из нагрудного кармана резинку для волос, собрал их в хвост, коротко и мощно выдохнул, разгоняя кровь, и пружинящим шагом направился в сторону особняка, почти физически чувствуя, как его спину бураяят три испуганных взгляда.

Да, смерть — это не то, к чему может привыкнуть каждый. А необычная смерть — тем более. Аксель Грин в свои тридцать один о смерти знал, кажется, все. Шесть лет в армии — не шутка. Засекреченное досье исключило возможность общения на эти темы, оставив только одну лазейку: военного психоаналитика, к которому Грин честно отходил почти год. А потом переключился на работу. Он быстро построил карьеру, быстро оказался в «особо тяжких», быстро начал вести дела самостоятельно и раскрывать их даже тогда, когда остальные пасовали. Грин любил свою работу.

Он пролетел сад, отмечая, что фактически тот представлял собой лабиринт. Конечно, с низкими посадками, здесь не заблудиться, но все же. А еще он увидел как минимум две или три двери в резном заборе. Все тропинки были подметены. Нужно узнать, кто следит за особняком, поддерживает его в достаточноном для продажи состоянии. К дому можно было пройти десятком различных способов, и Грин выбрал самый длинный

маршрут: отчасти настраиваясь на то, что предстоит увидеть, отчасти — для того, чтобы бегло осмотреть территорию. Судя по всему, она была огромна. Чем больше места, тем больше вариантов проникновения. Как просто в маленьких коттеджных поселках: они почти мгновенно устанавливали, как преступник оказывался в доме жертвы. С этим делом все будет иначе.

Остановившись у лестницы, Грин обернулся. Вдалеке послышались сирены. Даже дежурные приехали позже, чем он. Конечно, младший состав. Понабрали из академии и распустили. Аксель должен был приехать как минимум к полицейскому ограждению, а вместо этого обнаружил троих свидетелей в гордом одиночестве. Аксель обмотал ботинки скотчем, надел перчатки, чуть поморщившись — в латексе тонкие пальцы быстро мерзли. Но уже через мгновение мысли о холодах полностью испарились из его головы, уступив место особенному состоянию, которое он так любил.

Грин неторопливо поднялся по лестнице, машинально пересчитав ступени (тридцать семь), и остановился у распахнутых дверей. Открывшееся было сложно с чем-то перепутать. Традиционный средневековый костер для сожжения ведьм. Ровно такой же, каким его изображают в фильмах, на гравюрах и картинах. Эксперт-пиротехник предоставит информацию о том, что горело и как. Сейчас нельзя было определить изначальный вид, но почему-то Грин не сомневался, что и здесь все окажется будто по учебнику: круглые и длинные поленья в основании кострища, выше бревна покороче, потом — хворост. Кострище не такое высокое, приподнято сантиметров на тридцать. Но его надо было собрать! И столб поставить. Синие глаза детектива скользнули по высокому столбу (метра два), к которому было привязано тело. Как он крепится? Ответ появился, стоило аккуратно обойти помещение с противоположной стороны от замершего в молитвенной позе «священника», на которого Аксель пока не обращал внимания, впитывая детали главного объекта этой «картины». Столб стоял на металлической подставке, судя по всему, собранной тут же. А сзади были натянуты два троса. Как рождественская елка.

Грин перевел взгляд на «священника». Перед ним находился деревянный ящик. Обычный, квадратный, сколоченный грубо.

Ряса типичная католическая, но нет белой колоратки, которая валялась тут же. На ящике. Аккурат рядом со связанными руками без запястий.

Без запястий.

Грин, аккуратно ступая, приблизился к «священнику». У мужчины действительно были отрублены запястья. Аксель наклонился. Мертвое лицо опущено, смотрело на отсутствующие руки. Глаза выколоты. Но кожа чистая, будто ее помыли. Действительно помыли?

Рук, глаз нет. Что еще мог отнять у жертвы убийца? И почему мужчина сидит так, будто сожалеет о сожженном человеке? Грин был готов поставить месячный оклад на то, что на кострище — женщина. Или он сожалеет о чем-то другом? Или его заставляют пожалеть? Черт, нужны криминалисты. Детектив был уверен, что его беглый осмотр не выявил и трети сюрпризов.

Он оглянулся на кострище. Труп был привязан огнеупорными веревками за руки, ноги и талию. Привязан достаточно крепко, чтобы не упасть. Хотя вся фигура несколько завалилась. Он не прогорел до костей, даже ткань кое-где сохранилась. Пламя — показуха? Что хотел сказать преступник? Темно-синие глаза скользнули по мертвому телу, примечая детали. Он не любил дела с огнем, потому что огонь стирал улики лучше химиков. Он видел перед собой просто обглоданную пламенем тушу, а не человека, который когда-то смеялся, плакал, жил. Было сложно представить жертву, проникнуть в ее состояние, чтобы приблизиться к убийце. Почему он выбрал ее? Кого он посадил оплакивать ее? При чем вообще тут тема инквизиции?

— Как всегда раньше всех. Слава богу, хоть скотч не забыл. Привет, детектив.

Аксель глянул через плечо на коллегу-криминалиста. Среднего роста, почти на голову ниже Грина, поджарый, с живыми черными глазами. Артур Тресс, один из заместителей руководителя криминалистической службы. Видимо, шеф поднял в управлении переполох и отправил на место избранных — тех, в ком был уверен. Пока вездесущая пресса не растаскала детали находки по всем передовицам и каналам и не довела бедных свидетелей до ручки бесчисленными интервью.

Надо было их предупредить о рисках. Высокие лорды как-нибудь справятся, а вот за душевное равновесие девушки-риелтора Грин бы не поручился.

— Привет, Артур, — вежливо отозвался детектив, возвращаясь к созерцанию сожженного, вернее, обожженного тела.

— Даже не наследил, — пробурчал Артур. — Что тут у нас?

— Нужно, чтобы приехал судмедэксперт.

Тресс посмотрел на коллегу удивленно.

— Наши редко выезжают на место преступления, зачем им это? Мы аккуратненько все отфотографируем, проверим, а они в своих подвалах уже выяснят, от чего умерли жертвы.

Аксель задумчиво прикоснулся к подбородку и тут же отдернул руку — латекс перчатки был ледяным. Странно, он даже не почувствовал, что пальцы замерзли.

— Мне кажется, медику стоит посмотреть на это в неприкосновенном виде, потому как, пока мы снимем тело, точно что-то сломаем. Да и с ее дружком лучше поаккуратнее. Он, конечно, сидит. Но вот, например, я не нашел запястья. Может, с этого, — он кивнул на кострище, — тоже что-то срезали. А деформация при транспортировке это скроет.

— Убедил, — сдался Тресс. — Кто у нас там дежурный? О боги, почему у нас такая толпа судмедэкспертов?

— Позови Джейн, она сможет разобраться, что к чему.

— Нашел тоже мне эксперта. Признайся, что до сих пор неровно к ней дышишь.

Аксель фыркнул. То, что было между ним и Джейн Абигейл лет пять назад, осталось в прошлом. Да и последний год или полтора он был безнадежно связан с другой женщиной.

— Звони, — сказал детектив.

Подозрительно прямой столб. На первый взгляд — чистое дерево. Только непонятно какое. По логике вещей ель или сосна, здесь этого добра навалом. Но ствол толстый, сантиметров двадцать — двадцать пять в диаметре. Впрочем, что такое двадцать пять сантиметров диаметра для тридцатилетней, например, сосны. И вырезать два метра не проблема. Убийца связан с деревом? Или... Аксель присмотрелся. Или это заготовка. Брус, из которого собирают дрова. Только не сухой, а пропитанный огнеупорным составом.